

RU

Проблема виртуализации реальности в постмодернистской культуре

Яковлева М. Г.

Аннотация. Цель исследования - выявить социокультурные причины процесса виртуализации реальности, характерного для постмодернистской культурной ситуации. Научная новизна исследования заключается в том, что автор рассматривает виртуализацию не как технико-технологический (что характерно для абсолютного большинства работ данной темы), но социокультурный феномен. Подобный подход позволяет автору выявить ключевые тенденции культуры постмодерна, формирующие в массовом сознании дискурс «дефицита реальности». К таковым, по мнению автора, относятся нигилизм, исчерпание идеи объективности, гиперинфляция знаков и техническое преобразование среды. В результате автор показывает, как обозначенные тенденции европейской культуры актуализируют проблему неподлинности реальности, осознаваемой в числе прочего как её виртуализация.

EN

Issue of Reality Virtualisation in Postmodernist Culture

Yakovleva M. G.

Abstract. The purpose of the research is to identify sociocultural causes of the reality virtualisation process, which is characteristic of the postmodernist cultural situation. Scientific novelty of the research lies in the fact that the author considers virtualisation not as a technical and technological phenomenon (which is typical of the absolute majority of works on this topic) but as a sociocultural phenomenon. Such an approach allows the author to identify the key trends of postmodernism culture that form the discourse of “reality deficit” in the mass consciousness. These trends, according to the author, include nihilism, exhaustion of the idea of objectivity, hyperinflation of signs and technical transformation of the environment. As a result, the author shows how the outlined trends of the European culture actualise the issue of reality inauthenticity, which is perceived, among other things, as its virtualisation.

Введение

Современный кинематограф в различных жанровых формах актуализирует проблему виртуализации реальности: фантастические фильмы, психологические триллеры, комиксы или хоррор демонстрируют ситуацию неподлинности реальности, в которой герой вдруг обнаруживает, что привычная ему действительность – это хорошо сконструированная иллюзия (сон, реалити-шоу, технологическая конструкция или измененное состояние сознания). Подобная неуверенность в подлинности бытия является своеобразным симптомом современности, культурным эффектом эпохи постмодерна, о котором говорят исследователи. Вот как словенский культуролог С. Жижек описывает процесс «виртуализации того, что нас окружает»: «Наиболее паранойяльная фантазия американца, живущего в маленьком идилическом городке Калифорнии – рае для потребителя, заключается в том, что он внезапно начинает подозревать, что мир, в котором он живет, является спектаклем, разыгрываемым перед ним с тем, чтобы убедить его в реальности этого мира... позднекапиталистический потребительский калифорнийский рай, при всей своей гиперреальности, по сути *ирреален*, несубстанциален, лишен материальной инерции» [4, с. 21].

Таким образом, и в массмедийном, и в теоретическом дискурсах проблематизируется феномен виртуализации реальности, что говорит об актуальности предложенной темы. В данной статье мы ставим себе целью разобраться в истоках проблемы виртуализации реальности, обозначить ряд социокультурных причин, способствующих её возникновению в постмодернистской культуре. К задачам отнесем следующие:

- 1) рассмотреть определения понятий «виртуальная реальность» и «виртуализация реальности»;
- 2) обозначить и охарактеризовать такие социокультурные феномены, как нигилизм, исчерпание идеи объективности, гиперинфляция знаков и техническая организация среды;
- 3) изучить место и роль данных феноменов в процессе виртуализации реальности.

Для этого мы использовали следующие методы исследования: метод абстрагирования, метод системного анализа, гипотетико-дедуктивный и генетический методы философии.

Теоретическая база. В осмыслении природы нигилизма нам помогли идеи Ф. Ницше [11] и М. Хайдеггера [14]. Вопрос гиперинфляции знаков мы разрабатывали с привлечением семиотической концепции знака Ч. Пирса [12] и концепции симулякра Ж. Бодрийяра [1]. При исследовании технической организации среды нам помогли понятия «Gestell» М. Хайдеггера [13] и «отчуждение» К. Маркса [9], а также концепция объективации разума представителей франкфуртской школы М. Хоркхаймера и Т. Адорно [15]. Также на этапах постановки и изучения проблемы были использованы идеи С. Жижека [4; 5].

Практическая значимость. Полученные автором результаты вносят вклад в понимание причин и природы виртуальности и могут быть использованы при формулировке гипотез и разработке исследовательского инструментария для эмпирического изучения данной проблемы.

Виртуальность/виртуализация: к определению понятий

Под «виртуализацией реальности» мы понимаем процесс трансформации восприятия реальности в сознании людей, когда подлинность фактической действительности ставится под сомнение и актуализируется вопрос ее иллюзорного характера. Слово «виртуальный» латинского происхождения: *virtus* означает потенцию, возможность, энергию, силу, но также – мнимость, иллюзорность [6, с. 183]. Иллюзорный характер виртуального объясняется его несубстанциальностью, нуждой в некоей абсолютной, порождающей реальности. В то же время значения «потенция», «энергия», «сила» раскрывают виртуальность как поле возможностей проявления новых сущностей, качеств, свойств, явлений. Оба эти значения отражены в понятии виртуальной реальности: «Под “виртуальной” понимается реальность, порожденная некоторой исходной (константной) реальностью, чьи объекты онтологически равноправны с порождающей реальностью и автономны; при этом их существование полностью обусловлено перманентным процессом их воспроизведения порождающей реальностью – при завершении указанного процесса объекты виртуальной реальности исчезают» [Там же, с. 184]. Иллюстрацией данной двойственной природы виртуального выступает онтология Фомы Аквинского: его иерархия уровней бытия показывает наличие некоего абсолютного уровня бытия – Бога, создающего новый уровень бытия – Землю; Земля, как божественное творение, порождает растительность и животных, которые производят себе подобных. Таким образом, «виртуальная» Земля, не обладая абсолютным характером бытия Бога, может являться причиной существования (энергией, силой, потенцией) других явлений и существ. В английском языке, наследующем традицию словоупотребления латинского *virtus*, *virtual* приобретает значение «фактического, действительного».

Идея того, что фактическое бытие имеет несамодостаточный, виртуальный характер появилась еще в древности: в индуизме мы встречаем понятия «майи» и «авидьи», у Платона – противопоставление абсолютного мира идей и преходящего мира вещей. Однако вплоть до конца XIX – начала XX века подобное осознание не было проблематичным, поскольку абсолютная реальность (к примеру, Бог, Единое, Космос) освящала и выступала гарантом подлинности физического мира: причастность абсолютному бытию снимала проблему возможной иллюзорности фактической действительности. Ситуация меняется в конце XIX века, европейские философы зафиксировали данное явление понятием *нигилизма* (Ф. Ницше) и *конца метафизики* (М. Хайдеггер).

Причина первая: нигилизм

Нигилизм (от *nihil*, лат. – ничто), или ничтожение бытия – это позиция, при которой «все высшие ценности теряют свою ценность» [11, с. 25]. Нигилизм есть порождение новоевропейской веры в разум, считает Ф. Ницше: «Вера в категории разума есть причина нигилизма, – мы измеряли ценность мира категориями, которые относятся к чисто вымышленному миру» [Там же, с. 29]. Поступательная ревизия собственных построений убеждает новоевропейское мышление в безосновательности метафизических конструкций, упраздняет само место *сверхъестественного*, сводя всю полноту реальности к реальности физического мира: «...категории “цели”, “единства”, “бытия”, посредством которых мы сообщили миру ценность, снова изъеются нами – и мир кажется обесцененным» [Там же, с. 29]. «Бог умер» [10, с. 108], и бытие лишается своей истины, метафизической перспективы и подлинности. Единственная реальность, на которую может рассчитывать человек – это реальность физического мира, более не освящаемого Абсолютом – «Миром Идей», Богом, Разумом и т.д. Бытие схлопнулось, утратив место *сверхъестественного*, и человек оказался в ловушке физического мира: «...этот мир, отрицать который уже более не хотят, становится невыносимым...» [11, с. 29].

Суть нигилизма отражена в тезисе «Бог умер», считает М. Хайдеггер. Это повлекло за собой утрату «сверхчувственного» и смысла как такового: «Нигилизм есть тот исторический процесс, в ходе которого “сверхчувственное” в его господствующей высоте становится шатким и ничтожным, так что само сущее теряет свои ценность и смысл» [14, с. 64]. М. Хайдеггер видит в нигилизме *конец метафизики*. Причиной же нигилизма, в определенном смысле, является само возникновение метафизического способа мышления: попытка древних найти «истину о сущем в целом» [Там же, с. 85] длится десятки веков и заканчивается нигилизмом.

Утрата господствующих смыслов была достаточно болезненной для людей первой половины XX века. Своеобразной философской реакцией на ситуацию нигилизма стал экзистенциализм с его переживанием абсурдности и бессмысленности мира, «заброшенности» и конечности человека. В научном дискурсе второй

половины XX века утрата абсолютных смыслов расценивается уже не как трагедия, а как свобода современного человека. Об этом, в частности, говорит Ж.-Ф. Лиотар, характеризуя данную ситуацию как «состояние постмодерна»: ключевым показателем нового постмодернистского мышления он обозначает «недоверие к метанарративам, повествующим о “грандиозных смыслах”» [8, с. 10]. Автор также связывает данную особенность с прогрессом науки и кризисом метафизической философии. Во второй половине XX века, с развитием техники и технологий, в частности медиакоммуникаций, проблема постметафизической реальности трансформируется благодаря массовой культуре в проблему виртуальной реальности. Таким образом, первой социокультурной причиной, которая способствует возникновению тенденции виртуализации реальности, является, по нашему мнению, *конец метафизики*.

Причина вторая: исчерпание идеи объективности

Вторая причина, способствующая виртуализации реальности, – *исчерпание идеи объективности*. Рассмотрим, в чем состоит эта идея и почему ее девальвация способствует виртуализации реальности. Идея объективности формируется в рамках классической рациональности и утверждается новоевропейской наукой. Одним из основоположников принципа объективности являлся Р. Декарт. Он постулировал существование идеальной (мыслящей) и материальной (протяженной) субстанций, полагая индивидуальное мышление в качестве несомненного подлинного бытия (“*Cogito ergo sum*”). Из самоочевидности индивидуального сознания возникает классический рациональный субъект – рефлексивный, озабоченный практической истиной естествоиспытатель, настаивающий на познании «вещи такой, какая она есть». Дуализм Р. Декарта в контексте актуализированной новоевропейским мышлением проблемы познания предлагает новое – субъект-объектное – восприятие действительности, в рамках которого и возникает понятие объективности как соответствия знаний, полученных субъектом, объекту исследования или действительности в целом. Объективность становится критерием истинности научного познания: истина в науке отождествляется с объективными законами.

Понятие объективности привносит новые смыслы в европейское мышление:

- субъект-объектную оптику как противопоставление активного мыслящего субъекта вещи-объекту;
- познавательное отношение субъекта к объекту;
- трансформацию истины бытия в истину объекта (цель познания – обнаружение устойчивых, повторяемых, всеобщих и необходимых свойств/отношений объекта).

Классическая наука отождествляет истину с объективностью, а объективность – с непредвзятым, всесторонним, сущностным, экспериментальным познанием, в результате которого исследователь вырабатывает знания о вещи «такой, какая она есть сама по себе» [7, с. 389].

Идея объективности подвергалась сомнению в скептицизме Д. Юма, трансцендентализме И. Канта, однако успешно реализовывалась в научной практике. Появление неклассического естествознания и развитие социогуманитарных наук в XX веке поставили вопрос пересмотра идеи объективности. Первыми в ней усомнились физики: влияние приборов на результаты опытов с элементарными частицами, затруднения в объяснении полученных данных приводят их к мысли, что понятие объективности должно быть пересмотрено. В физику, по словам М. Борна, проникает «неустранимая примесь субъективности» [Цит. по: Там же, с. 136]. Квантовые объекты не могут быть исследованы «сами по себе», «такими, какие они есть», поскольку теоретико-методологические и экспериментальные средства трансформируют, видоизменяют изучаемые объекты. Французский физик Луи де Бройль к концу жизни приходит к выводу, что «квантовая физика не ведет больше к объективному описанию внешнего мира» [Цит. по: 3, с. 45].

Свой вклад в девальвацию идеи объективности внесли представители социально-гуманитарных наук, указав на дискурсивную природу знания, культурно-историческую обусловленность мышления, инструментальную роль науки в установлении порядков господства; раскрывая потенциал интерпретации и доказывая значимость ценностно-смыслового подхода в разрез объективному [16].

Каким образом исчерпание идеи объективности способствует виртуализации реальности? Во-первых, ставится под сомнение субстанциальность объекта: существование его таким, какой он есть сам по себе – с присущими ему качествами, свойствами и отношениями. В постмодернистской культуре реальность, которая в классической науке трактовалась как объективная, понимается наподобие Океана Соляриса С. Лема, являющего человеку химеры его разума. Постмодернизм тяготеет к субъективно-идеалистической онтологии и даже к ее крайней форме – солипсизму. Во-вторых, объективность в новоевропейском мышлении напрямую связана с истиной. Сомнение в идее объективности ведет к сомнению в истинности бытия. Между тем, истина с древности понималась как необходимая характеристика подлинности бытия. Девальвация истины также способствует виртуализации реальности.

Причина третья: гиперинфляция знаков

Под гиперинфляцией знаков мы понимаем высокие темпы производства знаков социальной системой, в результате чего знаки перестают быть средством сообщения, а становятся предметом потребления и простого наличия (частью медиаландшафта). В условиях информационной повседневности общество генерирует

нескончаемое количество знаков, транслируемых различными медиа – рекламой, СМИ, кинематографом, модой, социальными сетями. Развитие инфокоммуникационных технологий только усиливает процесс перепроизводства знаков, стремительно увеличивая их количество в жизни отдельного человека. В результате большую часть времени (трудового, досугового) люди проводят не столько в предметно-вещественной, сколько в знаково-семиотической среде: потребляя, транслируя, реже – создавая те или иные знаки.

Представители структурной лингвистики указали на функцию замещения или референтность знака: «Знак замещает собой нечто – свой объект» [12, с. 48]. Знаки представляют объекты реального мира, но представляют через их замещение, в определенном смысле «похищая реальность». Это свойство знака обыгрывается в картине Р. Магритта «Вероломство образов» (1928-1929 гг.). Художник изображает трубку и под ней помещает надпись «Это не трубка». Надпись является своеобразным манифестом-напоминанием того, что люди слишком часто принимают изображение за изображаемое (или знаки за сами вещи). В результате такой подмены и происходит виртуализация реальности: знаки теснят современного человека, который все меньше и меньше взаимодействует с предметно-вещественной средой, поглощая ее знаково-семиотические образы. Эту проблему активно обсуждают Ж. Делез, Ф. Джеймисон и Ж. Бодрийяр. Так, Ж. Бодрийяр в своей книге «Симулякры и симуляции» характеризует социальную реальность как масштабную симуляцию. Реальность в современном мире поглощается новым типом знаков – симулякрами, в которых утрачена связь между копией и оригиналом, вещью и ее образом; в результате знак перестает отсылать к какой бы то ни было реальности, помимо своего простого наличия [1, с. 23]. Симулякры, как самодостаточные и первичные в отношении реальности знаки, предстают «моделями реального», продуцируя несуществующие образы реального (псевдореального). В результате симулякры производят эффект реальности или «гиперреальное» – «порождение, при помощи моделей, реального без истока и реальности» [Там же, с. 16]. Так появляется онтологически неуверенный субъект: личность, которая не уверена в подлинности мира и в подлинности себя. С. Жижек описывает этот феномен на примере каттеров. Каттеры (от англ. cut – резать) – это люди, которые наносят себе телесные повреждения (порезы) для того, чтобы убедиться в реальности своего тела: «Нанесение порезов вовсе не связано с какими бы то ни было суицидальными желаниями, это просто радикальная попытка найти твердую опору в реальности, или (другой аспект того же феномена) попытка достичь твердого основания нашего эго в телесной реальности, в противоположность невыносимому страху восприятия себя самого как несуществующего» [4, с. 17-18].

Причина четвертая: техническая организация среды

Как подметил сэръ Френсис Бэкон в своём знаменитом афоризме, знание в новоевропейской парадигме приобретает инструментальный характер и в дальнейшем способствует реализации обозначенного Р. Декартом права «сделаться хозяевами и господами природы» [2, с. 130]. Издержки данного подхода осознаются в первой половине XX века. Представители франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно в работе «Диалектика Просвещения» [15] показывают, как путь технического порабощения природы приводит к отчуждению единичного в общем, субъективного в объективном, индивида в «системе». Они говорят об объективации и овеществлении мышления в социальной системе, которая поглощает индивида, встраивая его в существующий социальный порядок. Образ совершенного, технически развитого общества, чуждого природе человека, содержится во многих художественных произведениях: «Матрица» Вачовски, «Дивный новый мир» О. Хаксли, «Не отпускай меня» К. Исигуро и пр. Разобраться в том, каким образом техническое отношение к миру способствует виртуализации реальности, помогают понятия “Gestell” М. Хайдеггера [13] и «отчуждение» К. Маркса [9]. В рамках данной статьи у нас нет возможности детально разобрать этот вопрос, отметим только, что в результате все усложняющегося развития, техника «перестает быть “прозрачна” в смысле сохранения иллюзии проникновения в “работу механизма”... Постмодернистская “прозрачность”... скрывает работу внутреннего механизма и по возможности симулирует наш повседневный опыт. <...> Однако цена этой иллюзии продолжения нашей повседневности такова, что пользователь привыкает к “скрытой технологии” – “заэкранная” цифровая машинерия отступает в абсолютно недостижимую, в том числе и взгляду, область» [5]. Человек становится пользователем технической среды, в силу сложности которой, он не имеет возможности отождествить себя/других с ее разработчиками, испытывая при этом все виды отчуждения, описанные К. Марксом. Помимо этого, благодаря развитию техники и технологий, как указывает С. Жижек, оказывается под угрозой граница естественное/искусственное [Там же], нарушается важная бинарная оппозиция нашего мышления. Современный дизайн уравнивает искусственные ландшафты и растительность с естественными; робототехника, протезирование замещают живые органы и организмы искусственными; биоинженерные технологии нарушают аутентичность человеческого тела как предела границы между естественным и искусственным. В результате возникает вопрос: «Настоящий ли я?», озвучиваемый клонами, андроидами, киборгами и людьми в современном кинематографе.

Заключение

Мы определили четыре социокультурные причины виртуализации реальности:

1. *Конец метафизики* (нигилизм постмодернистского сознания): дискредитация идеи абсолютного бытия, выступающего основанием фактической реальности, лишает ее подлинности, что проявляется в ощущении смоделированной, симитированной реальности.

2. *Исчерпание идеи объективности* (кризис идеи объективности в науке) девальвирует ценность истины и подрывает установку на субстанциальность исследуемых объектов.

3. *Гиперинфляция знаков* (сдвиг от предметно-вещественной к знаково-семиотической среде): перепроизводство и сверхпотребление знаков ведёт к симулякризису реальности и появлению феномена онтологически неуверенной личности.

4. *Техническая организация среды* (конструкционизм антропогенной деятельности) экстерииорирует и овеществляет рациональность в социальной системе, лишая индивида статуса субъекта и генерируя различные формы отчуждения; размывается граница между естественным и искусственным, что денатурирует восприятие реальности.

Перспективы дальнейшего исследования. В ходе исследования мы выяснили, что проблема виртуализации реальности носит комплексный характер и проявляется благодаря ряду факторов объективного и субъективного характера. Данная проблема, несомненно, требует дальнейшего эмпирического изучения на культурных артефактах – произведениях современной литературы и кинематографа, а также в рамках исследования мнений респондентов в интересующей области. Наша статья может послужить средством для выдвижения гипотез и разработки исследовательского инструментария по данной проблеме.

Источники | References

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе. СПб.: Азбука, 2018. 320 с.
3. Догалаков А. Г. Истина как проблема научного познания. Балашов: Изд-во Балаш. гос. пед. ин-та, 1999. 165 с.
4. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Прагматика культуры, 2002. 160 с.
5. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия [Электронный ресурс]. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (дата обращения: 15.04.2021).
6. История философии: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов. Мн.: Интерпрессервис, 2002. 1376 с.
7. Кохановский В. П., Лешкевич Т. Г., Матяш Т. П., Фатхи Т. Б. Основы философии науки. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 608 с.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. - СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998. 160 с.
9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. 775 с.
10. Ницше Ф. Веселая наука. М.: Азбука-Аттикус, 2015. 352 с.
11. Ницше Ф. Воля к власти. М.: ЭКСМО, 2019. 608 с.
12. Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.
13. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221-237.
14. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 63-176.
15. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. СПб.: Медиум; Ювента, 1997. 312 с.
16. Яковлева М. Г. Объективное vs реальное: критические замечания к концепции объективной журналистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/2208> (дата обращения: 15.04.2021).

Информация об авторах | Author information

Яковлева Марина Геннадьевна¹, к. филос. н., доц.

¹ Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

Yakovleva Marina Gennad'evna¹, PhD

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Naberezhnye Chelny Institute

¹ marrayk@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.04.2021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): постмодернизм; виртуализация реальности; нигилизм; гиперинфляция знаков; исчерпание идеи объективности; postmodernism; reality virtualisation; nihilism; hyperinflation of signs; exhaustion of objectivity idea.